

LEARNING КАК «ОБУЧЕНИЕ»: ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (Комментарий к статьям В.И. Байденко, Н.А. Селезнёвой)

ГРЕБНЕВ Леонид Сергеевич – д-р экон. наук, проф. E-mail: lgrebnev@hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Аннотация. В статье рассматриваются трудности адекватного перевода на русский язык термина *learning* – одного из ключевых в Болонском процессе. Отсутствие однозначного перевода сказывается и на восприятии содержания цикла статей В.И. Байденко и Н.А. Селезнёвой.

Ключевые слова: Болонский процесс, преподавание, обучение, студентоцентрированное обучение, *from teaching to learning, student-centered learning, lifelong learning*

Для цитирования: Гребнев Л.С. Learning как «обучение»: особенности национальной терминологии (Комментарий к статьям В.И. Байденко, Н.А. Селезнёвой) // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 133–135.

Не претендуя на сколько-нибудь основательное включение в обсуждение очередной серии обзорных статей В.И. Байденко и Н.А. Селезнёвой¹, посвящённых Болонскому процессу и его отражению в публикациях как нормативного, так и научного характера, хотелось бы обратить внимание читателей журнала только на одно, но ключевое положение. На английском языке оно формулируется так: «The Shift from Teaching to Learning». Нетрудно заметить, что именно оно присутствует в названиях пяти материалов в списке литературы к последней, третьей статье. Близко по смыслу и другое английское выражение, также часто встречающееся

в этом списке: «Student-Centred Learning». Можно также привести расшифровку аббревиатуры LLL, часто встречающейся в текстах: «Lifelong Learning». Наш комментарий можно отнести и к «e-Learning».

С переводом на русский язык отглагольного существительного «Teaching» проблем нет. Оно переводится как «преподавание». С аналогичным существительным «Learning» дело обстоит гораздо хуже. Его можно привести как самую красноречивую иллюстрацию проблемы, которая в той же статье показана на примере перевода на немецкий язык термина «guideline»².

Русский глагол «учить», только в возвратной форме («учиться»), можно перевести на английский как «to learn». В прямой форме он в равной мере относится и к тому, кто *кого-то* или *чему-то* учит (к учителю, пре-

¹ Байденко В.И., Селезнёва Н.А. Нынешний раунд Болонского процесса: сохранение оптимизма. И немного о российском... (Статья 1) // Высшее образование в России. 2017. № 10 (216). С. 94–108; Байденко В.И., Селезнёва Н.А. Обеспечение качества высшего образования: современный опыт (статья 2) // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 122–136; Байденко В.И., Селезнёва Н.А. Оптика взгляда на будущее (статья 3) // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 120–132.

² «Термины в разных языках имеют различные коннотации (при переводе); например, guideline в немецком в большей мере носит характер требования, чем в английском. Поскольку используются английские термины, возникает иллюзия общего языка. Однако в действительности термины отягощены местными культурными смыслами» [1].

подавателю), и к тому, кто *чего-то* учит (к ученику, учащемуся). Поэтому отглагольное существительное «обучение» само по себе смысла не имеет. Точнее, его смыслом может быть и Teaching, и Learning. Все зависит от контекста.

В нашей педагогической и юридической практике термин «обучение» взятый сам по себе, вне явного контекста, обычно имеет смысл «Teaching». Это можно проиллюстрировать известными формулами из Федерального закона (ст. 2): «образование – единый целенаправленный процесс воспитания и *обучения*, являющийся общественно значимым *благом* и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства» (курсив мой. – Л.Г.); «обучение – целенаправленный процесс *организации деятельности* обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации *получения образования* в течение всей жизни». Последняя формулировка, как нетрудно заметить, полностью переворачивает (если не извращает) смысл выражения Lifelong Learning, хорошо известного разработчикам закона, принятого после почти десяти лет участия России в Болонском процессе. Здесь обучающийся – по-прежнему потребитель некоего блага, которое он получает³, а не присваивает собственным упорным трудом.

Своей амбивалентностью «обучение» очень похоже на «стоимость». В русском языке глагол «стоять» имеет в равной мере и ценностный («стоящая идея», «чувство собственного достоинства»), и затратный («знал бы ты, чего мне это стоило») аспекты. В научной, да и не только научной, литерату-

³ Отсюда недалеко и до упреков в том, что реформы 2000-х годов в российском образовании были нацелены на формирование грамотного потребителя, а не творца, как это декларировалось «до 1991 года».

ре это привело к тому, что термин «Value» (и нем. Wert), ключевой для Маркса, стал переводиться как «стоимость», а не как «ценность», причём именно с затратным смыслом. В результате появились такие нелепые с точки зрения повседневного языка словосочетания, как «потребительная стоимость», «себестоимость», «налог на добавленную стоимость»⁴.

Сейчас образование в экономике начинает занимать то же место, какое в сравнительно недавнем прошлом занимала промышленность, а высшее образование, соответственно, играть такую же ключевую роль, как обрабатывающая промышленность (группа «А», если пользоваться терминологией недавнего прошлого). Поэтому выстраивание правильной терминологии стало насущной необходимостью.

Об этом авторами много сказано во второй статье [2]. Но как раз термин «Learning» оказался не то чтобы потерянным, но не всегда однозначно трактуемым. Вот несколько примеров из их первой статьи: «Предпосылкой (оценки, аккредитации и управления качеством. – Л.Г.) выступает разработка сопоставимых методов и критериев оценки качества в сферах *обучения*, воспитания и научных исследований» [3, с. 95] (здесь контекст – teaching); «*Обучение* и преподавание: каково их место в шкале вузовских приоритетов?» [3, с. 97] (а здесь – learning); «от сдвига педагогических стратегий и технологий по вектору «от *обучения* к учению» до компетентностного и результат-ориентированного переформатирования высшего образования и придания студентоцентрированной направленности учебному процессу» [3, с. 102] (и снова – teaching).

Не вполне удачным представляется и перевод прилагательного «student-centred» как «*студентоцентрированный*». В нем

⁴ Английское словосочетание «Value Added Tax» правильно переводится как «налог на ценность, добавленную обработкой».

субъект как бы объективируется. Это в большей мере соответствует уходящему в прошлое пониманию образования как education (корень *duc* – делает упор на том, кто ведет). Может быть, не очень складное прилагательное «студентоцентричный» точнее выражает смысл?

Учитывая, что все три статьи, взятые вместе, – это путеводитель по избранным переводам из почти необозримой массы специальной литературы по Болонскому процессу, нужно поблагодарить авторов и за организацию этих переводов, и за интереснейший обзор ключевых тем, направлений, которые обсуждаются нашими коллегами за рубежом. Выскажу уверенность, что нашими общими усилиями будет реализовано их желание: разработан понятийно-проблемный словарь для улучшения коммуникации

представителей российского академического сообщества с международными академическими кругами.

Литература

1. Байденко В.И., Селезнёва Н.А. Оптика взгляда на будущее (статья 3) // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 120–132.
2. Байденко В.И., Селезнёва Н.А. Обеспечение качества высшего образования: современный опыт (статья 2) // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 122–136;
3. Байденко В.И., Селезнёва Н.А. Нынешний раунд Болонского процесса: сохранение оптимизма. И немного о российском... (статья 1) // Высшее образование в России. 2017. № 10 (216). С. 94–108.

Статья поступила в редакцию 02.11.17

Принята к публикации 15.11.17

“TEACHING” AND “LEARNING”: FEATURES OF NATIONAL TERMINOLOGY

Leonid S. GREBNEV – Dr. Sci. (Economics), Prof., e-mail: lgrebnev@hse.ru
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Address: 20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract. The article examines the difficulties of an adequate translation into Russian of the term “learning” as the key one in the Bologna process. The absence of unambiguous translation affects the perception of the contents of the cycle of articles by V.I. Baidenko and N.A. Selezneva.

Keywords: Bologna process, teaching, learning, student-centered learning, lifelong learning, translation

Cite as: Grebnev, L.S. (2017). [“Teaching and Learning”: Features of National Terminology]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 12 (218), pp. 133–135 (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Baidenko, V.I., Selezneva, N.A. (2017). [Optics of Looking to the Future (Paper 3)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 12 (218), pp. 121–133. (In Russ., abstract in Eng.)
2. Baidenko, V.I., Selezneva, N.A. (2017). [Quality Assurance in Higher Education: Up-to-Date Experience (Paper 2)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 11 (217), pp. 122–136. (In Russ., abstract in Eng.)
3. Baidenko, V.I., Selezneva, N.A. (2017). [Today’s Round of the Bologna Process: Continued Optimism. And a Little Bit about Russian (Paper 1)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 10 (216), pp. 94–108. (In Russ., abstract in Eng.)

The paper was submitted 02.11.17

Accepted for publication 15.11.17